

Посвящается двум очаровательным девочкам, которые неустанно следовали за мной по бесконечным улицам шумного города и успокаивали каждый раз, когда я жаловалась на дурное настроение:

студенту Шади, открывшему тайну своей семьи и, за упоминание его имени в этом посвящении:

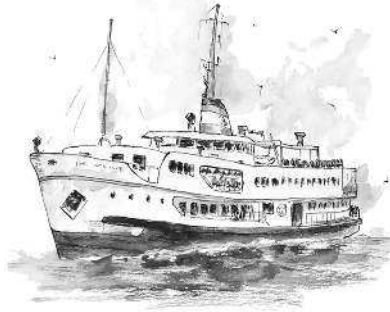
понимающему Дипу, который поддерживал меня в непростой период злополучного карантина, ежедневно приводил в чувство турецким кофе и научился засыпать под стук клавиш моего ноутбука:

и, конечно, невероятному Стамбулу, подарившему новую жизнь...



*Gürültülü bir şehrin bitmek bilmeyen
sokaklarında beni yorulmadan izleyen,
şikayet ettiğim her an yanımda olan iki
muhteşem kıza, hitapta adını geçirmem için
bana aile sırrını ifşa eden öğrenci Shadi'ye,
talihsiz karantina sürecinde benden
desteğini esirgemeyen, hergün Türk kahvesi
ile beni hayata döndüren ve laptopumun
klavye sesi ile uyumayı öğrenen Dip'e, ve
tabii ki bana yeni hayat bahşeden
İstanbul'a...*

Посвящение на турецком языке.



ЭСМИРА ИСМАИЛОВА

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

СТАМБУЛ В РЕЦЕПТАХ,
ИСТОРИЯХ
И КРИКАХ ЧАЕК



ХЛЕБ*СОЛЬ

Москва 2020

УДК 641.55
ББК 36.997
И87

Дизайн оформления *В. Терещенко*

Исмаилова, Эмира.
И87 На берегах Босфора : Стамбул в рецептах, историях и криках чаек / Эмира Исмаилова. – Москва : Эксмо, 2020. – 288 с. : ил. – (Есть. Читать. Любить).

ISBN 978-5-04-097943-1

Аромат турецкого кофе, хрусткий симит на набережной района Ортакей, крик чаек над лабиринтом рыбного рынка, – Стамбул, единжды запавший в душу, не отпустит никогда. Дебютная книга Эмиры не просто гид по красивым местам города и не еще один кулинарный путеводитель – это история о том, как познать стамбульский кейф, научиться никуда не спешить, наслаждаться янтарным менеменом на завтрак, маленькими глоточками пить тюрк кахвеси с послевкусием корицы и кардамона, следить за вальсом чаинок в тюльпанообразном бокале и вдыхать полной грудью запах Босфора и гранатового сока. Книга о рецептах, которым не одна сотня лет, о людях, чьи истории так и просятся на страницы романа, о бесконечно красивом городе на берегах Босфора.

УДК 641.55
ББК 36.997

ISBN 978-5-04-097943-1

© Э.Исмаилова, текст, фото, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Содержание

- Пролог . . . **7**
- Дружеское рукопожатие (вместо предисловия) . . . **11**
- Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши . . . **17**
- Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе . . . **36**
- Романтическое утро в фахверковом Бебеке . . . **53**
- Детективная история в апельсиновом городе . . . **76**
- Не называйте меня «ябанджи», или Турецкий язык с французским акцентом . . . **92**
- Стамбульская меланхолия . . . **119**
- Дорога в Шиле, или Как мы искали маяк . . . **139**
- Пера. 411-й номер свободен? . . . **156**
- Три беды стамбульских мужчин, или Что думают о них стамбульские женщины . . . **175**
- Стамбул в витрине антикварной лавки . . . **191**
- Знакомство с графом Плещеевым на Гранд-рю-де-Пера . . . **210**
- 9:05 . . . **224**
- Свидание в холодном Стамбуле, или Как завести любовника в этом городе . . . **245**
- 7 жизней и одна из них в Стамбуле. Кошки . . . **254**
- Магический круг жизни, или Последнее предсказание Румели . . . **266**
- Что я узнала о стамбульском кейфе (вместо послесловия) . . . **282**
- Список рецептов, размещенных в этой книге . . . **285**





Пролог

Еще в детстве я часто видела сны об опустевших городах, в которых одинокий ветер насвистывал тоскливую мелодию скрипучими ставнями да перекаати-поле бессмысленно кружили по заброшенным улицам. «Это всего лишь сон...» – успокаивала я себя по утрам и мгновенно забывала апокалиптические видения.

Последний год я провела в очаровательном Стамбуле, раскинувшемся пологими холмами на двух континентах, разрезанных причудливой лентой быстроводного Босфора. Стамбул никогда не спал, чем очень походил на меня, вечно мучимую бессонницей: он будил на рассвете протяжными гудками проходящих пароходов; позже его будоражили переливы печального азана; все утро он звенел голосами уличных продавцов симитами и сырной ачмы, а ближе к полудню город наполнялся шумными толпами неугомонных туристов, чьи голоса сливались в единый пронзительный гул, от которого даже голуби в испуге взлетали над площадью Султанахмет. После обеда Стамбул начинал готовиться к традиционному ужину: из распахнутых окон доносился перезвон медных сотейников, в которых тихо ворковало топленое масло с нежной мякотью

Пролог

свежих артишоков. Торговцы из рыбной лавки зазывали спешащих прохожих за остатками потрошеной рыбешки хамси. «Üç günlük dünya!»¹ – кричали они и тут же захлопывали вековые ставни крохотных магазинчиков, чтобы успеть домой к ужину, приготовленному заботливыми мамами – «анне». Постепенно вечерний Стамбул медленно погружался в прохладные сапфировые ночи: он то и дело хлопал дверями нескончаемых ресторанов и забегаловок, дымил папиросками в тонких пальцах богемных красавиц, одурманенных сладковатыми парами анисовой настойки. Даже далеко за полночь этот город продолжал праздновать и балагурить: сытые и оттого счастливые кошки заводили протяжные песни под окнами моего дома. Напевшись вдоволь, они уступали сцену беспечным чайкам, которые до самого рассвета бесцеремонно кричали на крышах: птицы немислимым образом подражали человеческим интонациям, чем вынуждали сонных стамбульцев то и дело выглядывать на крохотные терраски уютных османских квартир.

Я наслаждалась оживленной стамбульской жизнью, но внезапно все изменилось. Город, не знавший тишины, в один мартовский день попросту замолчал – так нелепо и неестественно. Новость о карантине моментально разлетелась по многочисленным районам мегаполиса. Я просидела две недели дома, после чего отправилась на разведку: ну как поверить в то, что Стамбул может так просто уснуть? Но город действительно спал. Когда-то оживленные проспекты теперь походили на тоскливые картинки из моих кошмаров. Исчезли пробки из нескончаемых верениц автомобилей, и миллионы людей на улицах бесследно растворились... Я не верила глазам и, спрятавшись под стерильной маской, мелкими перебежками добралась до набережной Ортакей. Мечеть Меджидие все так же парила над шумными водами Босфора. Напуганные тишиной голуби скромно жались к гигантскому платану, не находя добросердечной старушки с семечками на ее привычном месте. Ресторанчики, из которых еще недавно на всю округу разносился пряный запах запеченного кумпира, одиноко стояли, обклеенные лентами ядовитого желтого цвета: ЗАКРЫТО.

¹ Трехдневный мир! (*тур.*). Это выражение часто используется стамбульцами для описания скоротечности времени.



Огромный город, будто разоренное гнездо, зиял темными окнами пустых отелей, задраенными дверями ресторанов; он пугал пустыми дорогами, по которым лишь изредка пробежали своры одичавших собак. Отвыкшие от людей, кошки, завидев меня, высовывали из укрытий грустные морды и долго проводжали тоскливыми взглядами.

Вскоре все усложнилось комендантским часом: выходить на улицу было запрещено под любым предлогом, и вот тогда я решила во что бы то ни стало воскресить в своей памяти прекрасный город, подаривший мне двенадцать долгих месяцев, научивший любить и ценить жизнь при любых обстоятельствах. Я смахнула пыль с розовой крышки ноутбука и унеслась в будоражащие воспоминания. Терпкие нотки турецкого кофе по утрам подогревали предвкушение новой встречи с любимым городом, разлуку с которым выносить было все труднее и труднее. Я с нетерпением ждала тот день, когда прекрасный Стамбул вновь умоется прохладным утренним дождем и после, свежий, распахнет свои объятия в тени разросшихся акаций и платанов.

Стоило подойти к рабочему столу, как гигантские чайки тут же слетались на парапет у окна и терпеливо следили за каждым моим движением. Иногда они напоминали о забытых эпизодах нежным гортанным воркованием – кому как не им, вечным преследователям блуждающих, знать всю правду?.. Я внимательно слушала и записывала все точь-в-точь, как надиктовывали эти белокрылые создания. А Стамбул, словно погруженный в летаргический сон, готовился к внезапному пробуждению – по крайней мере, я в это верила всем сердцем...





Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

8 февраля, 2019. Стамбул

*Горячие каштаны под февральским снегом. –
Неожиданная Встреча с НИМ. – Безупречный костюм
сафари и песни цикад. – Кризис среднего возраста. –
Неожиданное знакомство во дворике мечети Шишли.*

Этот удивительный город, полный роскоши и достопримечательностей, которых хватило бы на семь сказочных королевств, встретил меня запорошенными улицами и озябшими прохожими. А говорят, в Стамбуле не бывает снега... По старой детской привычке я сделала несколько шагов и обернулась, чтобы посмотреть на собственные следы, но кто-то высокий в сером пальто успел пройти по ним. Кругом были люди: спешащие по делам, курящие у подъездов домов, продающие горячие каштаны...

Я быстро протянула десять лир громкоголосому торговцу – и вот заветный кулек из коричневой бумаги у меня. «Носом ню-

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

хай». – Показывает худощавый продавец Ахмет (конечно, его имя я узнаю гораздо позже), манерно закатывает глаза и так типично для южанина цокает языком и прищелкивает пальцами. Опускаю нос в бумажный пакетик – и тут же оказываюсь на вершине маленького, но все-таки блаженства: как тепло! А аромат!

Запах каштанов в этом городе прижился так же хорошо, как запах тушеной капусты в детском саду или сосисок с овсянкой в школьной столовой. Каждый дом пахнет тем, чем больше всего любят лакомиться его обитатели. И чем дольше они в нем живут, тем прочнее этот запах оседает на выцветших флизелиновых обоях, густой драпировке тяжелых портьер и винтажных диван-деках, призванных сохранять свежесть обивки кресел, которую никто никогда не видел и вряд ли помнит, какого она цвета.

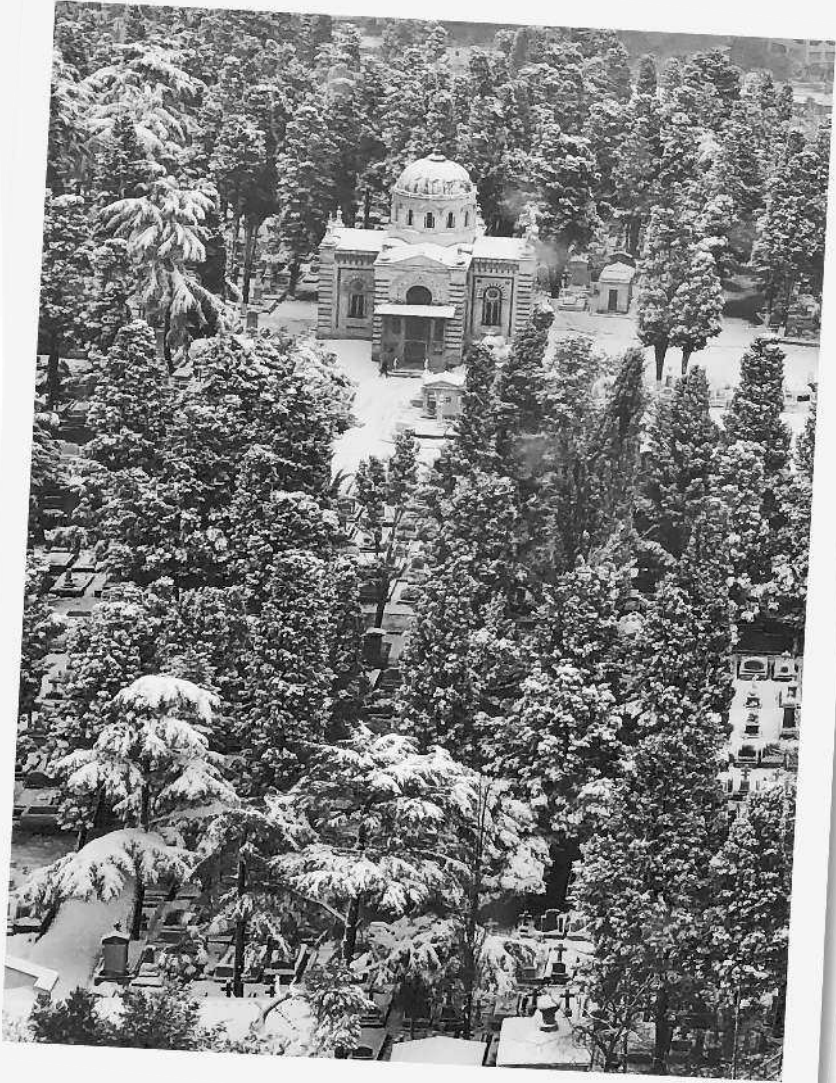
Я шла и с трудом счищала закоченевшими пальцами горячие угольки, приправленные свежими снежинками, только что упавшими с неба. Впереди показался Марриотт, чья верхушка терялась в снежном молочном вихре. Мне – туда.

Еще пару месяцев назад я сидела в любимом кафе в Ташкенте, потягивала шпинатно-яблочный смузи (идея сбросить лишние пять килограммов никогда не оставляла меня) и шурилась под мягкими лучами осеннего солнца. Было по-настоящему хорошо в том далеком уголке Центральной Азии, куда меня однажды забросила судьба, даже не поинтересовавшись о моем желании. А случилось все так...

История, которую, наверное, уже можно назвать историей моей жизни, началась с мимолетного взгляда на НЕГО на одном из дипломатических приемов в небольшом, но очень милом городе Минске. ОН, в свою очередь, задержал на мне взгляд на неприлично долгие три минуты, что в итоге и привело нас к алтарю (так обычно пишут в романах, мы же, конечно, отправились в районное отделение загса), где успешно скрепили обоюдное согласие не расставаться ни при каких обстоятельствах изящными росчерками под звуки Мендельсона в соседнем зале.

– Хорошо, что не заказали торжественную часть, – сказал ОН на выходе. – Все равно музыка была слышна...

В тот момент хотелось верить, что эта нарочитая практичность приведет нашу семью к устойчивому будущему, и так я считаю до сих пор.



ОН оказался дипломатом в хорошо известной международной организации, забрасывающей своих сотрудников в самые невероятные уголки мира, чтобы те решали проблемы голода и малярии на местах. Тогда эта благородная миссия казалась безумно романтичной.

Я представляла себя в безупречно сидящем костюме сарари в далекой экзотической стране, где непременно жаркое солнце, лазурное небо и добродушные местные жители, которыми мы помогаем выживать под песни цикад и шум океанического прибоя.

Возможно, на мои мечты с явным колониальным привкусом повлиял популярный в то время фильм Норы Эфрон «Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту» – сейчас уже сложно сказать. Главное, я дала согласие международному дипломату (которого мои подружки нежно окрестили Дипом) следовать за ним по пятам, куда бы нас ни забросила его карьера.

Последние пять лет мы провели в самом сердце Центральной Азии. Это были пять долгих лет, подаривших море незабываемых впечатлений. Первый год я училась дышать в узбекскую чиллю, когда столбик термометра приближался к отметке 50 градусов по Цельсию; затем я погрузилась в глубины узбекской кухни, скрупулезно изучив все этапы приготовления плова, мантов, ачик-чучука и чак-чака; потом я вернулась к писательству и наконец закончила когда-то начатые рукописи. И только после всего этого меня накрыла настоящая депрессия, о которой прежде я читала только в книгах.

– Кризис среднего возраста. Бальзак. – Со знанием дела заявил Дип, за что был лишен домашних ужинов на целую неделю. А я продолжала глубже и глубже постигать все тонкости эмоционального расстройства, которое меня скоро привело к хронической бессоннице и взявшейся невесть откуда аэрофобии.

Каждое утро, замешивая омлет с сыром, я удрученно думаю о том, как смешны теперь мои красные дипломы о высшем

На берегах Босфора

образовании (а было их целых три!), и даже несколько раз порывалась их сжечь, но никогда не находила спичек, хотя они всегда лежали в правом дальнем углу верхнего ящика комода. Теперь мне кажется, что та депрессия была сродни спектаклю, в котором я отвела себе главную трагическую роль, словно срежиссированную мной же. И пока все домашние старательно пытались понять мое состояние, нам пришло очередное письмо о новом месте службы.

* * *

Стамбул... Тогда я вряд ли понимала, что несет с собой эта долгосрочная командировка. Я просто погрузилась в рутинные сборы багажа и томные вечера трогательных прощаний с самым уютным садиком на планете, который мне удалось разбить в условиях субтропического климата солнечного Ташкента.

За годы скитаний мы обросли двумя дочерьми, антикварным шанино Реткоф, ста пятьюдесятью коробками личных вещей и несметным количеством чемоданов, с трудом пошествовавших в микроавтобус, встретивший нас в аэропорту Атамюрка.

И вот теперь я брела по незнакомым улицам совершенно чужого города, не понимая ни слова из задорных выкриков уличных торговцев. «Неужели это судьба, которую нужно принять?» – думала я, не находя в себе ни сил, ни желания на очередное погружение в дикий мегаполис, соединивший в себе десятки культур, прошедший путь великих цивилизаций, не покорившийся или не покоренный – мне совершенно не хотелось это знать.

Среди вихрей усилившегося снега жалобно застонала чайка, затерявшаяся в непогоде. И, будто вторя ей, затянул свою протяжную песню минарет центральной мечети на площади Шишли. Я заглянула в ее уютный дворик, сплошь занесенный снегом и оттого выглядевший невероятно сказочно. Именно

Дружеское рукопожатие (Вместо предисловия)